

Ван Ан как раз собирался спросить Чжао Баи о самочувствии, как тот внезапно вынырнул из-под одеяла. От неожиданности командир отделения слегка вздрогнул, но быстро взял себя в руки, и никто из бойцов в казарме ничего не заметил.

Нахмурившись, Ван Ан взгляделся в покрасневшее лицо парня.

— Тебе нездоровится?

Голос командира отделения прозвучал сухо, как обычно, но Чжао Баи уловил в нем тень беспокойства. Растерявшись на секунду, он вдруг сообразил: Ван Ан действительно за него переживает! И тут же вспомнил, что пролежал под одеялом слишком долго. Его пылающее лицо и покотившийся град пота — вовсе не признаки болезни, он просто-напросто упарился в своей шерстяной берлоге.

Зимой обливаться потом и гореть лицом без причины невозможно — любой нормальный человек сразу заподозрит лихорадку. Вот и Ван Ан не стал искать другие объяснения, списав всё на простуду.

Чжао Баи уже открыл было рот, чтобы во всем признаться, но вовремя прикусил язык. Когда еще выпадет шанс дожидаться заботы от неприступного командира? Сказать правду сейчас — значит нарваться на холодный, презрительный взгляд. Поборов минутное сомнение, Чжао Баи состряпал самое несчастное лицо и жалобно кивнул. Глаза, слишком долго пробывшие в темноте, заслезились от резкого света, и этот влажный, покрасневший взор лишь добавил ему сходства с тяжелобольным.

Ван Ан, глядя на него, не усомнился: парень из последних сил борется с недугом. Будь это в первые дни службы, командир отделения наверняка мысленно выругал бы изнеженного барчука. Но теперь его отношение к Чжао Баи в корне изменилось. К тому же Баи был его подчинённым — новобранцем, которого он лично отобрал в свое отделение. Ответственность и искреннее беспокойство взяли верх.

— Жар?

Командир отделения шагнул ближе и прижал ладонь к его лбу. Кожа и правда была горячей.

Чжао Баи замер, боясь даже вздохнуть, чтобы случайно не выдать себя. К счастью, фортуна оказалась на его стороне. С замиранием сердца он выслушал ровный голос Ван Ана:

— Температура слегка повышена. К военврачу пойдешь или таблетки примешь?

Сердце, едва не ушедшее в пятки, облегченно застучало вновь. Чжао Баи не горел желанием ни пить пилюли, ни тем более тащиться в лазарет — он ведь был абсолютно здоров. Слабо покачав головой, он прошелестел пересохшими губами:

— Не надо... Мне бы просто воды...

Его собственный хриплый голос заставил парня вздрогнуть. Только сейчас он вспомнил, что со вчерашней тренировки у него во рту маковой росинки не было. Ван Ан молча окинул его взглядом, о чем-то подумал и направился к своему шкафчику.

Чжао Баи облегченно перевел дух и огляделся. Почти все ребята уже улеглись.

«Скоро отбой...»

— Приподнимись.

Ван Ан вернулся, держа в одной руке кружку с водой, а на его бледной ладони лежали две желтоватые таблетки.

Чжао Баи невольно поморщился, лихорадочно пытаясь вспомнить, когда он болел в последний раз. Лет в десять? Или в одиннадцать? Не успел он додумать эту мысль, как сильные руки осторожно, но уверенно приподняли его за плечи. Чжао Баи ошеломленно замер, уставившись на оказавшееся совсем близко лицо командира отделения.

«Мамочки...»

Ван Ан проигнорировал его вытаращенные глаза. Пользуясь тем, что парень приоткрыл рот, он ловким движением забросил туда таблетки, тут же поднес кружку к его губам и тихо, словно ласково уговаривая ребенка, прошептал:

— Давай, запей.

Для Чжао Баи это прозвучало как гром среди ясного неба. Совершенно опешив, он послушно проглотил жутко горькие пилюли вместе с водой. И лишь когда Ван Ан отошел с пустой кружкой, до сознания парня дошел смысл сказанных слов. По телу пробежала дрожь, а к горлу подступила тошнота от противного привкуса.

«Да уж... Если бы этот чертов ледяной красавец сейчас поднес мне яд, я бы и его вылакал без лишних слов. Истинное наваждение!»

Увидев, что Ван Ан возвращается, Чжао Баи уже не чувствовал прежнего испуга. В этот момент он наконец-то понял, что имел в виду Цинь Лу, когда спрашивал, изменился ли командир отделения со времен роты новобранцев. Действительно изменился. В нем проснулась простая человечность. Сейчас он вел себя как заботливый, внимательный старший брат.

Баи-то успокоился, зато Ван Ан заметно напрягся, поймав на себе этот чересчур нежный, светящийся искренним обожанием взгляд.

— Чжао Баи, ты что, совсем рассудок растерял от жара?

В нахмуренном взгляде Ван Ана сквозила суровая командирская строгость. Чжао Баи тут же состряпал невинную, полную благодарности улыбку. Слегка порозовев, он быстро сориентировался:

— Виноват, товарищ сержант... Просто я маму вспомнил. Когда я в детстве болел, она точно так же обо мне заботилась.

Ложь прозвучала до того искренне, что усомниться в ней было невозможно. Тот, кто близко не знал Чжао Баи, ни за что бы не догадался: его родители всю жизнь провели на службе и в бесконечных разъездах, так что о родительской ласке мальчик мог только мечтать. К счастью, они с сестрой выросли на редкость самостоятельными. Сестра унаследовала стальной характер матери-командирши, а сам Баи с малых лет был душой любой компании, ярким солнцем, вокруг которого всегда крутились люди, так что от одиночества он никогда не страдал.

Ван Ан, разумеется, ничего этого не знал. Под суровой внешностью командира скрывалось отзывчивое сердце. Он молча посмотрел на «тоскующего по материнской ласке» бойца. Помедлив, командир отделения стянул куртку и форменные брюки, щелкнув выключателем, и в наступившей темноте уверенно забрался на кровать к Чжао Баи.

Товарищ Баи научился врать так виртуозно, что ему не требовалось времени на раздумья. И вот результат: красавец Ван Ан разделся, погасил свет, лег рядом... Что же будет дальше?

<http://bllate.org/book/18247/1764861>